

Игорь Винниченко

Анафора

«Издательские решения»

Винниченко И.

Анафора / И. Винниченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857070-4

Главным героем повести «Анафора» является обычный православный священник со всеми его проблемами и трудностями: разногласиями в семье, интригами в церковной жизни, внутренними переживаниями. И хотя название отсылает нас к богослужебным тонкостям, книга ставит перед читателями совсем другие вопросы. Что такое настоящее мужество? Какой должна быть подлинная любовь к ближнему? Как не потерять себя и свою веру в современном мире, мудрость которого — безумие перед Богом?

ISBN 978-5-44-857070-4

© Винниченко И.
© Издательские решения

Содержание

Анафора,	6
1	6
2	13
3	19
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анафора

Игорь Винниченко

Издательство «Русский город»

© Игорь Винниченко, 2018

ISBN 978-5-4485-7070-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анафора,
МОЛИТВА ВОЗНОШЕНИЯ
Повесть
о буднях приходского священника

1

*Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми
и сластьми приходить, или приблизиться, или служить Тебе, Царю
славы: еже бо служить Тебе, велико и страшно и самем Небесным
Силам.*

Молитва иерея перед Великим Входом

Вечерняя служба подошла к концу. Произнося отпуст¹ после молитв первого часа, отец Олег вдруг почувствовал невероятную усталость, которая его даже удивила.

– Литургия завтра, в восемь часов утра, – сообщил он прихожанам, которых собралось едва ли полтора десятка. – Ждем вас для совместной молитвы.

Диакон Петр в алтаре уже отчитывал молодого алтарника Дениса. Когда в диаконе просыпался воспитательный азарт, это можно было слушать как концерт по заявкам. Но не в алтаре, разумеется.

– Чинопоследование богослужения, – говорил тот наставительно, – это сакральный ритм духовной жизни! Опоздал на секунду с каким-то действием, и благодать уже ушла...

– Да я просто забыл, где я ее поставил, – оправдывался Денис.

– Конечно, – язвительно кивнул Петр. – На телефончике своем в тетрис играл, да?

– Ничего я не играл, – буркнул пойманный за руку Денис.

Отец Олег нашел необходимым вмешаться.

– Хватит вам, – остановил он их. – Денис, облачение собери, валяется в углу...

– Это я нечаянно уронил, – пробурчал Денис.

Денис был сыном поварихи Марии, в алтаре прислуживал уже несколько лет, но все еще был совершенно чужд церковному духу. Олег считал, что давить на него не надо, но диакон, при своем несносном характере, не упускал случая устроить педагогический экзерсис.

Олег сел на табурет у стены и расслабился.

– Балуете мы его, старче, – сказал ему диакон, укладывая свое облачение в ризнице.

Олег не ответил, прислушиваясь к своему состоянию. Кажется, продолжение не последовало.

– Я не спросил, – вспомнил диакон. – Что там с отцом Константином?

– Тещу встречает, – отозвался Олег. – У него теща в Египет летала, вот он ее поехал встречать. Завтра на литургию появится.

Диакон посмотрел на него вопросительно:

– Как это? Вечерю один поп служит, а литургию уже другой? А как же чин?

Олег устало покачал головой:

– Что-то я измотался в последнее время... Надо бы настоятелю об отпуске напомнить.

– Ага, – рассмеялся диакон. – Отпуск тебе, перед Рождеством! Как бы не так!..

¹ Отпуст – заключительный возглас священника, которым заканчивается богослужение.

Он был прав: у священства, как и у артистов, Рождество было временем повышенной активности. Воспоминание об этом обстоятельстве радости не прибавило, хотя Рождество, безусловно, веяло духом детского восторга. Но пока этот дух веял мимо, оставляя отцу Олегу одну суету.

Дьякон сел рядом.

– Ты-то чего не уходишь? – посмотрел на него Олег.

Диакон выразительно вздохнул.

– Гонения у меня, – сказал он. – Вчера залил молоком плиту, так соседи устраивают мне обструкцию.

– Залил молоком? – подивился Олег. – Что это тебе приспичило молоко постом кипятить?

– Да это не я, – скривился диакон. – Это моя бывшая нагрянула, лечить меня пришла. Почему так: пока вместе жили, так она меня травила, а как разъехались, так она собралась меня лечить?

Олег не ответил. При всей симпатии к диакону он видел в нем совершенно очевидного нарушителя устава и многих церковных правил, отвернуться от чего было трудно. Диакон неоднократно был замечен в злоупотреблении спиртным, да и жена от него ушла именно по этой причине; он позволял себе самые язвительные комментарии по поводу церковных порядков, лавируя на грани юродства и мизантропии. При этом у них с Олегом сложилось определенное взаимопонимание, почти симпатия, и именно с Олегом диакон всегда был предельно откровенен.

– Любит, значит, – сказал Олег.

Диакон посмотрел на него настороженно.

– Это ты про что? – спросил он.

– Вернуться не хочешь? – спросил Олег.

– Да ты чего? – испугался диакон. – У нее же там мужик есть, натуральный!.. Она же мне рога наставила!..

– А ты ее прости, – посоветовал Олег. – Может, она этого и хочет, вот и приходит лечить. Кстати, а чем это вы там занимались, пока молоко на плите кипело?

Он, конечно, догадывался, чем они занимались, но ему было забавно приводить диакона в замешательство.

– Мы, между прочим, еще не разведены, – буркнул диакон.

– А сейчас, между прочим, пост, – напомнил Олег.

– А нынче есть отцы, – напомнил и диакон, – что не считают супружеский долг грехом, даже в Великий пост.

– Постыдись, – усмехнулся Олег. – Ты же сам этих отцов клеймишь и разоблачаешь.

– Ладно, пойду, – не выдержал диакон и поднялся.

Когда он ушел, Олег еще некоторое время сидел в алтаре, все еще в облачении. Этот неожиданный приступ слабости определенно был вызван какой-то болезнью, но он уже много лет не ходил на прием к врачу, выражая тем готовность принять болезнь с терпением и смирением. Теперь он этой готовности не чувствовал, а даже заметил в себе некоторые признаки уныния, чего ему прежде всего следовало остерегаться. Уныние было очевидным признаком послабления веры. Надо было немедленно вернуть в сердце чувство радостной близости с Богом, но отец Олег знал, что возвращение это будет делом нелегким.

Домой он вернулся после девяти, ужинать не стал и, приняв ванну, пошел сразу спать, ссылаясь на усталость. Жена Анна отнеслась к его состоянию достаточно индифферентно, но когда он уже молился перед сном, зашла и буркнула:

– Там Даша пришла.

Дочка уже месяц как пробила себе в институте общежитие и демонстративно выехала из родного дома, протестуя против диктатуры родителей. Диктатуру, впрочем, проявлял один только отец, и заключалась она в том, что он не позволял ей посещение ночных клубов, куда ее затягивал ее нынешний приятель. Надо полагать, теперь она вела свободную жизнь, и радовать отца это не могло.

– Утром поговорим, – сказал он. – Я устал.

И продолжил молитву.

Перед сном он подумал о завтрашнем дне и не нашел в нем каких-то сложных проблем, какие могли бы испортить настроение. Значит, можно было выспаться в охотку, и это чувство порадовало его. Он еще успел подумать, что вовсе не к этой радости ему бы следовало стремиться, но быстро заснул.

Утром он проспал до восьми часов и испытал приятное чувство оттого, что за окном уже было светло. Он неторопливо поднялся, умылся и неспешно занялся утренними молитвами, когда можно было не торопясь вчитываться в слова и останавливаться на особо проникновенных местах. Жена приготовила завтрак, который тоже доставил ему удовольствие, но когда он уже собрался приступить к кофе, вдруг увидел в коридоре худого юношу в майке и в трусах, который крадучись пробирался из гостиной к туалету.

– Доброе утро, – просипел юноша и скрылся в туалете.

Олег со стуком поставил чашку.

– Это что? – спросил он у жены.

– Это Виталий, – пояснила та чуть испуганно. – У Даши вышли какие-то сложности с общежитием, вот они и пришли ночевать у нас.

– Ночевать у нас? – переспросил возмущенно Олег. – И ты говоришь об этом так просто?

– Не кричи, – сказала жена сухо. – Мог бы проявить гостеприимство, это все же жених твоей дочери.

Олег почти вскочил:

– Нет, дорогая, не могу я проявить гостеприимство, – заявил он громко. – И ты прекрасно это знаешь! И если этот жених не собирается вылететь из дома в трусах, пусть немедленно одевается и уходит!..

Немедленно на кухню ворвалась Даша, едва накинув халат.

– Папа, не смей! – вскричала она. – Это моя жизнь, и ты не имеешь права вмешиваться в нее.

Опять начиналась традиционная семейная склока, после которых всегда было так противно на душе, но отец Олег уже не собирался останавливаться.

– Это почему же? – повернулся он к дочери. – Я ведь твой отец, ты помнишь? Я не могу мириться с тем, что ты пренебрегаешь теми принципами, которым я служу!

– Ты меня достал своими принципами, – вскричала Даша. – Ты мне жизнь испортил своими принципами! Я всегда была как белая ворона...

– Белая ворона – это уже не ворона, – буркнул Олег. – Как ты могла привести этого... жениха сюда, в мой дом! Даша, ты же знаешь, я никогда не приму такого поведения.

Послышались звуки сливаемой воды, и из туалета показался Виталий.

– Остыньте, папаша, – сказал он. – Я уже ухожу. Спасибо, конечно, что приютили...

– Виталий, подожди, – кинулась за ним Даша.

Жена метнулась за ними, но Олег остановил ее.

– Ты мне должна кое-что объяснить, – сказал он холодно.

– Она же уйдет! – воскликнула жена.

– Пусть уходит, – отвечал Олег.

– Ты же дочь теряешь! – прошипела жена.

– А ты предпочитаешь потерять веру? – спросил Олег холодно.

– Пусти, – жена рванулась и поспешила в комнату к дочери.

Олег отошел к окну, чувствуя накапливающую злость. Это было не то чувство, с которым можно было решать семейные проблемы, и потому он не спешил с объяснениями. Конечно, он был предельно возмущен тем, что это совершилось прямо здесь, в его доме, где он столько лет совершал молитвы и верил, что семья понимает его. Теперь становилось очевидным, что все это время он обманывал себя и его домашние так и не приняли тех ориентиров, к которым стремился он. И вина в этом, и это надо было признать, была исключительно его, потому что именно он не обратил внимания, не заметил тех признаков, которые теперь так ярко проявились. Или даже заметил, но поленился тратить душевные силы на преодоление их. Он слышал про подобные проблемы у других священников, но всегда был уверен, что его эта чаша минует.

Шум в коридоре отвлек его внимание. Жена громко говорила:

– Останься, Даша, это и твой дом, и он не имеет права...

– Ах, мама, о чем ты говоришь!.. Видеть каждый день эту постную физиономию!..

– Да куда же вы пойдете?.. На улице мороз!..

– Ничего, Анна Павловна, – успокоил ее жених. – Будем снимать квартиру. Средств у меня достаточно, не беспокойтесь.

– Боже мой, – стонала жена. – Ведь он считает, что служит этим добру!..

Шум затих, Даша с Виталием вышли, и жена выразительно заплакала в прихожей. Олегу нечего было ей сказать, и он пошел в свою комнату мимо нее, не найдя в душе для нее слов утешения. Когда он проходил мимо, жена процедила:

– Добился своего!..

Он не ответил.

Дочь была такой умильной в пять лет, когда с широкой улыбкой подходила на причастие, радуясь тому, что причащать ее будет сам папа. Еще в четырнадцать лет она пела в церковном хоре, но каждый раз срывала с головы платок, как только выходила за ограду храма, словно вырывалась на свободу. Даже в старших классах она появлялась в храме достаточно регулярно, но поступив в институт, немедленно охладела. Судя по ее провокационным вопросам, уже тогда ее настроение переместилось в сторону скептического отношения к храму, но Олег полагал, что это настроение пройдет, когда она выйдет замуж и начнутся семейные проблемы. Он не думал, что уже на третьем курсе его дочь слетит с тормозов совсем.

Оставаться в доме было невозможно, и он отправился в храм пешком, идти надо было около получаса. На улице и в самом деле было морозно, и, забыв перчатки дома, он прятал руки в карманы пальто. Некоторые старушки узнавали его и кланялись ему, когда он проходил мимо, и Олег кланялся им в ответ.

Еще когда он подходил к храму, то заметил на стоянке «Ауди» отца настоятеля. Тот бывал в храме среди недели редко, только по срочным делам, и его появление вполне могло означать какие-то неприятности. В частности, когда Олег подменял накануне в храме молодого отца Константина, это было проведено в нарушение порядка и без ведома отца настоятеля, и за это можно было получить нагоняй. Олег даже подумал, что, по сути, он вполне заслужил небольшой нагоняй, и приготовился встретить его со смирением.

Настоятель Казанского храма отец Роман Черняев был в городе человеком известным. По возрасту он был ровесником Олега, ему было сорок четыре, но, будучи родственником самого архиерея (он был женат на его племяннице), отец Роман пользовался его особым покровительством. Он неизменно входил в Епархиальный совет, возглавлял какие-то комитеты, курировал воскресные школы и даже редактировал епархиальную газету. Олег когда-то вложил немало сил в эту газету и постепенно был вытеснен оттуда новым редакционным коллективом, составленным из вполне светских людей, нанятых отцом Романом. На телевидении он время от времени выступал с проповедями, скучными и казенными, благо телевидение у большинства верующих вышло из употребления и эту стыдобу они не видели. Обладая весом и авторите-

том в церковной среде, отец Роман вел себя в отношении Олега покровительственно и строго, словно был старше его лет на двадцать. Олег всегда был готов это стерпеть, если бы не странные подозрения отца настоятеля относительно его злокозненных намерений. Он почему-то был уверен, что отец Олег под него «копает», и решительно с этим боролся всеми возможными способами. Это было глупо, потому что и «копать» отец Олег не только не умел, но и решительно отвергал саму мысль об этом, да и авторитет отцов был настолько различным, что это просто не имело смысла.

Уборщица Анфиса, встретив Олега на входе, тотчас же выпалила:

– А вас отец Роман ищет. У себя они...

Олег кивнул и зашел в служебную комнату переодеться. Алтарник Денис сидел там, попивая чай, и чуть не поперхнулся, когда увидел Олега.

– Уже отслужили? – подивился Олег.

– Служат еще, – отвечал Денис с набитым ртом.

– А ты здесь почему? – нахмурил брови Олег.

– Я ухожу, – и тот поспешил сбежать.

Конечно, пить чай во время службы было немыслимо, но воспитывать Дениса у Олега желания не было, тот со всей семьей принадлежал к числу духовных чад отца настоятеля и иногда даже огрызался до грубости. Дьякон Петр его за это регулярно и воспитательно колодил, но отец Олег такой метод воспитания решительно отвергал, хотя сам ничего предложить не мог. Так что теперь Олег только покачал головой, снял пальто и отряхнул ноги от снега. Перед зеркалом он причесался, потому что отец Роман не уставал напоминать о благочестивом внешнем виде служащих, поправил крест на груди и пошел на второй этаж, к отцу настоятелю.

Секретарша настоятеля, девица по имени Юлия, за те пару лет, что состояла на своей должности, уже обрела все нужные качества и при внешнем благочестии была напрочь лишена нравственных основ. Ее муж был предпринимателем, который от имени церкви проворачивал какие-то темные дела, и сама Юлия считала духовенство кастой лохов и жуликов, где лохов было больше, чем жуликов. Соответственно она с ними и обращалась, ни в грош не ставя ни их сан, ни их духовный опыт. Год назад из прихода был изгнан вполне достойный священник, и Юлия проявила в том деле самое непосредственное участие. А все оттого, что несчастный застал ее в кабинете с отцом Романом в неприличной позе.

– Подождите, отец Олег, – строго сказала она вошедшему. – Батюшка занят с посетителем, но просил непременно вас найти.

Олег кивнул и присел. Юлия поглядывала на экран компьютера, нажимала клавиши, но судя по бессистемности ее действий, она или раскладывала пасьянс, или просто делала вид, что занята.

Послышались голоса, дверь кабинета раскрылась, и отец Роман вышел проводить высокого гостя, какого-то важного начальника. На его лице сияла самая благожелательная улыбка, да и гость был просто счастлив встречей. Но выражение лица настоятеля сразу изменилось, как только он увидел Олега.

– Входи, отец, – бросил он за спину.

Когда Олег вошел в роскошный кабинет настоятеля и сел в деревянное кресло, отец Роман некоторое время молчал, теребя на столе карандаш. Это был простейший прием для того, чтобы заставить посетителя нервничать, и Олег это знал. Все предвещало головомойку, и он только не мог предположить, с какой стороны последует укоризна.

– Видеть я тебя хотел вот почему, – начал отец Роман. – Читал я твою статейку на сайте «Ортодоксия». Там вокруг твоей писанины большая полемика закрутилась.

Олег сдержано улыбнулся и кивнул:

– Да, я знаю.

Сохраняя в себе творческие настроения, он время от времени отсылал в интернет некоторые из своих соображений, где хотя и находил выход своим мыслям, но все же не придавал этому большого значения.

– Почему же ты к нам в газету ее не отдал? – спросил отец Роман.

Олег помрачнел:

– Я отдавал, отче. Вы же сами ее и завернули.

– Я завернул? – скривился отец Роман. – Не помню... Хотя могу понять, ведь по духу твоя статья довольно экстремистская, не так ли?

Олег невольно покачал головой:

– Это в каком же смысле?

– Так ты же там на духовных лиц нападаешь!.. Выносишь, как говорится, сор из избы. Мне уже отец Гавриил звонил, требовал прояснить позицию автора.

Отец Гавриил был секретарем архиерея, человеком дипломатичным и осторожным. Представить его с таким требованием Олегу было сложно. Судя по всему, отец настоятель упомянул его исключительно по собственной инициативе, в качестве весомого аргумента.

– Пусть он мне позвонит, – сказал Олег. – Я ему сам все проясню. Мы же не в разных странах живем!..

Лицо отца Романа посуровело.

– Он позвонил ко мне, потому что я ответственен за иереев своего подчинения, – заговорил он строго. – И я не приемлю легкомысленного тона в решении серьезных проблем. Если секретарь владыки интересуется вашей статьей, значит, с ней уже ознакомлен и сам владыка Пафнутий. И я буду должен отвечать, если меня спросят.

– Вы же читали статью, – сказал Олег. – Там все ясно, и с позицией, и с тоном. Мне он не кажется легкомысленным.

– И все же я просил бы воздержаться от публикации таких материалов без благословения настоятеля, – отчеканил отец Роман.

Олег смолчал. По самому большому счету настоятель был прав, и спорить было не о чем. Разве что о том, что настоятель не всегда бывал справедливым в своих решениях. Очень редко бывал...

Отец Роман поднял голову, глянув на Олега исподлобья, и в его взгляде все еще читалась известная настороженность.

– Так мы договорились? – спросил он, понижая тон назидательности.

– Принимаю как должное, – отвечал Олег осторожно.

Некий проблеск умиротворенности в тоне отца настоятеля он воспринял как предвестие новых неприятностей.

– Ты же нынче на требах, верно? – спросил отец Роман.

– Верно, – кивнул Олег, не поспевая за сменой его настроения.

– Есть для тебя ответственная треба, – произнес отец Роман почти дружелюбно. – Пришла просьба освятить дом в Городке. Дом роскошный, двухэтажный, только что ремонт провели...

– Вы хотите туда направить меня? – не поверил Олег.

Всеому приходу было известно, что такие «сладкие» требы обычно отправлялся исполнять или сам отец настоятель, или его любимец, отец Евгений. Потому что там определенно намечался неплохой гонорар, да и полезные связи были не лишними.

– Они почему-то вызвали именно тебя, – чуть озадаченно отвечал отец Роман. – Даже не знаю почему. Так что отправляйся, а панихиду за тебя отец Константин послужит.

Он пододвинул ему листок с адресом, и этот адрес ничего Олегу не говорил.

– Как хозяина зовут?

– Валентин Петрович, – отвечал отец Роман. – Бывший начальник почты.

Олег пожал плечами, это ему тоже ни о чем не говорило.

– Хорошо, я съезжу, – кивнул он.

Он поднялся, довольный тем, что все обошлось без пошлых нравоучений, на каковые настоятель был горазд.

– Отец, – позвал его настоятель от порога.

Олег обернулся.

Отец Роман улыбнулся ему и подмигнул:

– Смотри не продешеви...

Олег ничего на это не ответил.

2

*Но обаче, неизреченного ради и безмерного Твоего
человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек,
и Архиерей нам был еси, и служебная сея и безкровная Жертвы
священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех.
Молитва иерея перед Великим Входом*

Обычно он не пользовался услугами такси, но в Городок, довольно отдаленный район, где строились роскошные дома успешных горожан, транспорт ходил плохо, так что в этот раз пришлось брать такси. Во время пути водитель то и дело поглядывал с интересом на батюшку, не представляя, что ищет в Городке этот похожий на бомжа поп. Сам отец Олег свой внешний вид считал вполне соответствующим своему социальному положению: поверх подрясника на нем было старое темное пальто, а вместо шапки теплая скуфья. Но с пренебрежительными взглядами в свою сторону он в последнее время встречался часто.

Расплатившись, он вышел из машины напротив калитки, над которой был вывешен нужный ему номер дома. Рядом с калиткой был домофон, и Олег стал звонить.

В динамике зашипело, потом послышался женский голос:

– К кому?

– К Валентину Петровичу, – отвечал Олег, заглядывая в свою бумажку. – Я из Казанской церкви, дом освящать.

– Подождите.

Олег стал ждать, потаптывая снег под ногами. Было холодно, и хотелось поскорее оказаться в теплом доме.

– Попрошайка, что ли? – услышал он в динамике. – Гони его в шею...

– Он говорит, из церкви пришел.

– Эй, – услышал Олег грубый мужской голос. – Чего тебе надо?

– У меня записано, – стал объяснять Олег, – что Валентин Петрович заказывал в нашем храме освящение дома. Я для этого и приехал.

– Нету Валентина Петровича, – отвечали ему. – После пяти будет.

На это Олегу и возразить было нечего. Конечно, он испытал острое чувство досады, но выбора у него не было, надо было возвращаться. Он уже достал из кармана телефон, чтобы вызвать такси, но тут динамик снова заговорил:

– Проходите.

Замок калитки щелкнул, и она открылась. Олег качнул головой, но вошел.

Поднявшись на кирпичное крыльцо, он веником отряхнул от снега ботинки. Входная дверь тоже открылась сама по себе, и он вошел в дом. Навстречу ему вышел охранник в серой форме, предупредительно выставив руку:

– Пойдите там...

Но низкий женский голос сверху распорядился:

– Пропусти его, Петр. Поднимайтесь, батюшка...

– Там вешалка, – буркнул охранник.

Неподалеку немолодая тетка елозила шваброй пол.

– Тапочки наденьте, – рекомендовала она распорядительным тоном.

Тапочки для гостей там были уже приготовлены. Олег покорно переобулся, глянул на себя в зеркало и пошел по лестнице наверх, прихватив свой служебный кейс. Лестница шла кругом, и на стене висели портреты, явно списанные с фотографий. Олегу это показалось довольно пошлой претензией на провинциальный аристократизм.

Дама, позвавшая его, сидела в холле, укутанная в меховую накидку. Олегу это показалось странным, потому что температура здесь была вполне приемлемая. Дама смотрела на него сквозь большие, в пол-лица, темные очки и курила сигарету через длинный мундштук.

Это была претензия, которую надо было игнорировать.

– Здравствуйте, – кивнул Олег. – Вы в курсе, что хозяин заказал освящение дома?

– Это я заказала, – отвечала дама, все еще разглядывая его.

– Вы? – удивился Олег. – Очень приятно встретить такое благочестие.

Она не ответила, выпустив струю дыма в сторону.

– Так мы можем начинать? – спросил Олег и потянулся к своему кейсу.

– Ты меня не узнал, Олежек? – насмешливо спросила дама и сняла очки.

Олег посмотрел на нее с интересом, пригляделся и, конечно же, сразу узнал.

По паспорту она звалась Ларисой, но ее все звали только Лорой, даже учителя в школе. С шестого класса она уже научилась обращаться с косметикой, хотя сама выросла в довольно небогатой семье чиновника с почты, так что обновки были для нее праздником. Она уже тогда знала, что она красива, да и все остальные знали это тоже. Как получилось, что не слишком выдающийся одноклассник Олег Шибаев оказался ее приятелем, теперь понять было трудно. Наверное, это она его выбрала за ровный характер, покладистость и решительность. Он не заикался в разговоре с ней, как другие подростки, и не грубил, как старшие парни, пытаясь хамством прикрыть свое смущение перед ее красотой, говорил то, что думает. Это нравилось Лоре, и она эксплуатировала его верную дружбу вплоть до ухода в армию. В вечер прощания у них была возможность перейти на другой уровень близости, но что-то помешало, отчего досадовали оба несостоявшихся любовника. Во время проводов Лора расплакалась и клятвенно обещала ему ждать его.

А через три месяца после ухода в армию из письма родителей Олег узнал, что Лора вышла замуж за секретаря городского комитета комсомола. Еще через пару месяцев Лора прислала письмо, начинающееся словами: «Я знаю, ты на меня злишься...»

А поскольку из армии Олег направился напрямик в семинарию, то свидеться им уже не довелось. Олег знал, что бывший секретарь комитета комсомола перебрался в столицу, взлетел до вершин власти, чтобы потом перейти в банкиры. О дальнейшем Олег уже ничего не знал, и возвращение Лоры в родной город было для него сюрпризом.

– Мы развелись, – объяснила она. – На моих условиях.

– Ты одна? – спросил Олег, почувствовав сразу после этого неуклюжесть вопроса.

Она усмехнулась и затянулась сигаретой. Это было так театрально и пошло, что Олегу захотелось отвернуться в смущении.

– Я не бываю одна, – сказала она. – Мой нынешний муж в Париже является членом советов директоров сразу нескольких крупнейших предприятий, а мой любовник, – она снова затянулась, – мой нынешний любовник – бельгийский яхтсмен.

– Ты его с собой привезла? – невольно вырвалось у Олега.

Она криво усмехнулась.

– Я не собираюсь долго оставаться в этой дыре, – сказала она презрительно. – Конечно, иногда это приятно – вернуться к корням и подышать свежим воздухом без опасности оказаться в объективе папарацци. Но потом непременно станет скучно, и я вернусь в Париж.

Глядя на нее, Олег пытался понять, что же так привлекало его в ней тогда, в детстве. Уже тогда она была манерна и высокомерна, разве что оснований для этого было меньше, и Олег часто подтрунивал над ней. Но тогда это было возможно – посмеиваться над ее провинциальным снобизмом, и она на него почему-то не сердилась, так что теперь это представлялось почти невероятным. Она и теперь была так же красива, у нее была холеная кожа, совсем не было заметно подтяжек, и окрас волос был идеально гармоничен, а об ее одежде и говорить не при-

ходило. Это была просто выставка последних достижений женской моды. Но чего уже явно не было, так это прежнего азарта в глазах.

– Я слышал, у тебя мама умерла, – вспомнил Олег. – Соболезную.

Лора скривилась, подразумевая улыбку, и кивнула.

– Отец совсем раскис, – пожаловалась она. – Никак не хочет переезжать, ни в Москву, ни в Испанию... У меня дом в Испании, – пояснила она.

– Я его иногда вижу в нашем храме, – кивнул Олег. – Он совсем растерянный.

– Поговори с ним, – попросила Лора. – Я купила для него этот дом, так он тут совсем затосковал. А ведь у него тут прислуга, телевизор, даже машина с водителем.

Олег кивнул:

– Непременно поговорю.

Она ткнула сигарету в пепельницу.

– А ты? – спросила она.

– Что я?

– Как у тебя дела?

Олег невольно дернул плечами.

– Служу, – сказал он. – У меня жена, дочка на выданье... А у тебя?

– У меня нет детей, – сказала она без выражения. – Только ты не думай, я хотела ребенка... Не получилось. Правда, что вы с женой ругаетесь?

У Олега взлетели брови.

– Кто это тебе сказал?

Она рассмеялась.

– И дочка живет в студенческом общежитии, – добавила она. – Вы не ладите?

Олег вздохнул.

– Иногда, – сказал он. – Ты навела справки?

– Да, конечно, – призналась она. – Не только о тебе, обо всех наших знакомых... Я так долго не была дома, тут все так изменилось... Точнее сказать, все так мало изменилось... Правда, что Люся Гирина стала толстой как бочка?

– У нее четверо детей, – улыбнулся Олег. – Но она по-прежнему симпатична. Хочешь повидаться с ребятами?

– Нет, не хочу, – отвечала Лора. – Думала, что хочу... Ты счастлив, Олежек?

Вопрос, хоть и требовал откровенного ответа, был задан ровным тоном, не предполагающим эмоционального напряжения. Олег насторожился:

– А ты?

Она хитро, как в детстве, улыбнулась:

– Я первая спросила.

– Не знаю, – сказал Олег. – Я сейчас представляю такую точку зрения, что все радости ждут нас в другой жизни, так что ждать счастья здесь как-то не приходится. Но я не могу сказать, что моя жизнь – это цепь тяжелых страданий.

Она улыбнулась, на сей раз довольно открыто.

– Я не удивилась, когда узнала, что ты стал священником, – сказала она. – Но все же я думала, что ты будешь монахом. Где ты нашел свою жену?

– В семинарии, – отвечал Олег. – Она пришла с подружкой на бал выпускников, но сама была предельно далека от церкви. Мы познакомились, и она стала ходить в храм, где я одно время был чтецом. А потом мы поженились.

– Ты ее любишь?

Этот вопрос был задан все в том же деловом тоне, но он все меньше удавался Лоре, которая явно была настроена на серьезный разговор. Она не отводила глаз с Олега, и тому становилось не по себе.

– Лора, дорогая, – произнес он, – не забывай, что я пришел по делу. Ты действительно хочешь провести обряд освящения этого дома?

Она снисходительно усмехнулась:

– Вообще-то, такой необходимости нет. Мне сказали, что этот дом был освящен при сдаче в эксплуатацию. Впрочем, если ты хочешь получить свой гонорар за беспокойство, то ты его получишь. Нет, Олежек, я вызвала тебя, чтобы поговорить со старым другом. Я всегда с ностальгией вспоминала наши беседы, твой нравоучительный тон, твердость взглядов... Мне этого так не хватало.

Олег только головой покачал.

– Ну, ты даешь, хозяйка, – сказал он, хмыкнув. – Ты считаешь, это допустимо? Ведь такое отношение довольно оскорбительно, ты понимаешь?

– Я же знаю, что ты на меня не обидишься, – широко улыбаясь, сказала она. – Мы ведь с тобой старые друзья... Знаешь, я до сих пор не знаю, любил ты меня или только думал, что любишь.

– Стоит ли сейчас в это лезть? – спросил Олег. – Может, я только думал, конечно... Но все равно расставание было очень обидно.

– Ты меня прости?

– Разумеется, – сказал он. – Мы ведь, по сути, были такие разные... Ты можешь себя представить в образе попадьи?

Она рассмеялась, но в ее смехе уже звучал какой-то надрыв.

– Думаешь, у меня бы не получилось?

– Было бы забавно посмотреть, – хмыкнул Олег.

Она медленно поднялась, оставив меховую накидку в кресле, и оказалась в длинном обтягивающем платье с неглубоким декольте, но с почти обнаженной спиной.

– Может, мне просто надо было задать верное направление, – говорила она, приближаясь к нему. – Ты помнишь тот вечер перед твоим уходом в армию? Ведь все могло быть иначе.

Она села, оказавшись совсем рядом с ним, и Олег занервничал.

– Не думаю, что это был ключевой момент, – сказал он. – Я ведь все равно уходил, а ты оставалась. Прости, Лора, так ты отказываешься от требы?

– Что такое треба? – спросила она.

– Ну, молебен на освящение дома. Дело в том, что после ремонта вполне можно повторить последование. Мне бы не хотелось возвращаться без результата, меня за это ругают.

– Я же сказала, я заплачу, – сказала она нервно.

– Ты же понимаешь, я не возьму эти деньги, – отвечал он. – Это принципиально.

– Ты по-прежнему предельно принципиален, – проговорила она.

– Когда-то тебе это нравилось, – буркнул Олег.

– Мне это и сейчас нравится, – сказала Лора. – Как ты думаешь, а я тебя любила?

Олег посмотрел на нее внимательно. Ее голос дрогнул, и это было последним сигналом об опасности.

– Успокойся, Лора, – сказал он. – Я тебе верю, ты любила меня. Ты меня и сейчас любишь, верно?

Она не ответила, но глаза ее уже набухли от слез и истерика была близка.

– Так ведь и я тебя люблю, – просто сказал Олег. – Ты мне веришь? Это никуда не ушло, это осталось с нами навсегда. Но это совсем не значит, что мы должны что-то менять. Все осталось по-прежнему, я уйду в армию, а ты выйдешь замуж за очередного секретаря. Мы не станем другими, ты понимаешь? Это не в осуждение, поверь мне. А если ты интересуешься моими семейными делами, то знай, так, как тебя, я уже никого никогда не любил. Я стараюсь, но у меня плохо получается.

– Хочешь сказать, у нас уже ничего не будет? – спросила она уныло.

– Ты же сама об этом могла догадаться, – улыбнулся Олег. – Я думаю, что, если бы я капитулировал, ты бы первая меня возненавидела. Пойми, Лора, это нас с тобой не соседка разлучила в ту ночь, нас разлучила сама судьба. Я должен всегда оставаться для тебя образцом принципиальности, а ты будешь для меня идеалом женственности. Понимаешь?

Она всхлипнула.

– Нет, не понимаю, – произнесла она капризно.

– Понимаешь, – уверил ее Олег. – Я тебя очень хорошо знаю, потому что люблю.

– Прекрати, – попросила она и отвернулась, чтобы утереть платком набежавшие слезы.

Отец Олег смущенно кивнул, хотя она на него и не смотрела. Он и сам понимал, что играл в опасной близости с огнем, и был рад, что она сама его остановила.

Он поднялся со вздохом.

– А дом у вас хороший, – отметил он. – Разве что эти портреты на лестнице...

– Смешно, да? – отметила Лора, разглядывая себя в зеркальце. – Это дизайнер придумал. Я бы его убила, честное слово...

– Но, ты знаешь, я понимаю твоего папу, – добавил Олег. – В таком большом доме одиночество только усугубляется.

Она повернулась к нему:

– Что же, мне его в дом престарелых определить?

Олег усмехнулся:

– Наверное, можно найти и промежуточные варианты.

Она села в кресло напротив, не забыв при этом положить ногу на ногу. В этом уже не было вызова, это была привычка.

– Так странно было узнать, что он ходит в церковь.

– Почему странно? – пожал плечами Олег. – По-моему, в его положении это естественно.

– Но почему именно в твою церковь?

Олег поднял голову:

– Это для тебя имеет значение?

Она загадочно усмехнулась:

– Ты должен помнить, что мои родители всегда относились к тебе особенно. Мама так и не приняла моего первого мужа, хотя тот помог семье хорошо укрепиться. Папа стал начальником...

Олег тяжело вздохнул.

– Ты, наверное, знаешь, что твоя мать исповедовалась перед смертью, – сказал он.

– Что она сказала? – Лора посмотрела на него с интересом.

Олег чуть улыбнулся.

– Ты действительно ждешь, что я тебе расскажу ее исповедь? – спросил он.

– Конечно, нет, – вздохнула она.

– Во всяком случае, церковная жизнь твоего папы началась с ее отпевания, – сказал Олег. – Он подходил ко мне потом, сказал, что его поразила моя проповедь. А я ведь не сказал ничего особенного, и мне было стыдно за его похвалы. Потом я встречал его в храме, но почему-то он никогда не подходил ко мне на исповедь.

– Он ничего не рассказывает про свою церковную жизнь, – хмыкнула Лора.

– Он относится к этому серьезно, – отметил Олег.

Это последнее замечание напомнило ему о делах, и он глянул на часы в телефонной трубке. Это заставило его подняться.

– Ладно, – сказал он. – Вижу, для молитвословия атмосфера не та. Мне было приятно с тобой повидаться, Лора. Мы еще увидимся?

– Не знаю, – буркнула она. – Возможно, я улечу не сегодня-завтра.

– Тогда попросаемся, – сказал Олег. – Не буду ничего говорить про мои чувства, я и так сказал слишком много. Бог тебе в помощь.

Она не ответила, отвернувшись, и Олег почувствовал, что ему надо уходить. Он и пошел, стараясь не оглядываться, потому что предполагал позади бурю эмоций.

– Олелек! – услышал он ее надрывный призыв уже у лестницы.

Олег оглянулся, она сидела там же, глядя ему вслед с тоской. Смотрела на него с досадой, что-то хотела сказать, но передумала.

– Иди, – сказала она.

Олег кивнул и пошел вниз по лестнице.

Когда внизу он натянул свои ботинки и надел пальто, появился мужчина в черном костюме с фуражкой на голове.

– Это вы из церкви? – спросил он. – Хозяйка велела отвезти вас.

– Вот спасибо, – сказал Олег.

В машине он молчал, вспоминая разговор и пытаясь понять, что на самом деле побудило Лору вернуться домой. Было ясно, что ее нынешнее положение ее не устраивает, но это было странно, потому что Олег всегда думал, что это ее идеал. Выходило, что он плохо знал Лору, и это вызывало у него досаду. Ему казалось, что он из-за этого не сказал ей чего-то важного, что она вполне могла от него услышать.

Когда он поднимался по ступенькам в храм, бухгалтер Валентина Антоновна, заметив его со своего второго этажа административного корпуса, буквально бегом кинулась ему вслед.

– Батюшка, батюшка! – крикнула она ему снизу, когда он уже поднялся наверх. – Отец настоятель велел, чтобы вы всю выручку сдали мне.

– Нет никакой выручки, – буркнул Олег недовольно. – Это недоразумение.

– Что недоразумение? – растерялась бухгалтерша.

– Вызов был ошибочный, – пояснил Олег. – Только на такси потратился...

– Как это ошибочный? – возмутилась Валентина Антоновна. – Я же сама на звонок отвечала!..

Олег развел руками.

– Так получилось, – вздохнул он. – Они передумали, а от предложенной компенсации я сам отказался. Ничем не могу порадовать.

Бухгалтерша громко набрала воздух.

– Тогда сами будете с отцом настоятелем объясняться, – пригрозила она и ушла.

Она как накаркала, а вернее сказать, сама же тут же и пожаловалась. Олег как раз уже ехал на автобусе домой, когда по мобильному его перехватил отец Роман.

– Что там у тебя за недоразумение? – спросил он с подозрением. – Почему деньги не сдал?

– Да не было никакого освящения, – отвечал Олег, прижатый пассажирами к окну автобуса. – Обманули нас.

– А адрес?

– Адрес правильный, – сказал Олег. – Дом стоит. Но его еще при сдаче освятили.

– А что, второй раз нельзя было?

– Не понадобилось, – буркнул Олег. – Все свелось к личному разговору.

Отец Роман с досадой кашлянул.

– Ладно, – сказал он. – Если что, я позвоню, разберусь.

Результат его звонка был вполне успешным, и на счет храма в тот же день была передана сумма, раз в пять превышающая таксу. Впрочем, Олегу за это фиктивное освящение досталось ровно столько, сколько полагалось, а остальные деньги были оприходованы по части подношений.

3

*Ты бо един, Господи Боже наш, владычествуеши небесными
и земными, Иже на престоле Херувимсте носимый, Иже Серафимов
Господь и Царь Израилев, Иже Един Свят и во святых почиваяй.
Молитва иерея перед Великим Входом*

Следующая неделя выпала у отца Олега седмичной, и он служил по два раза в день, с утра и вечером. Обычно в это время он углублялся в молитвенный настрой, слабо реагируя на обстоятельства внешней жизни, но теперь, когда жена каждый день вела телефонные переговоры с дочерью, которая со своим приятелем снимали квартиру неподалеку, атмосфера в доме накалилась.

– Между прочим, – сообщила жена, – Виталик в прошлом месяце заработал около пяти тысяч долларов!..

– И что? – Олег посмотрел на нее, скорбно вскинув брови.

– Он вполне может обеспечить семью, вот что! Ты же настроен против него! По-твоему, он некий авантюрист, который только и думает, как бы бросить Дашу!..

– А что им мешает жениться? – спросил Олег.

– Господи, Олег, ты в самом деле из прошлого века, – простионала жена. – Пойми, это уже не актуально! Брак возник из необходимости, когда люди жили впроголодь!

– Впроголодь? – хмыкнул Олег. – Это ты классиков марксизма проштудировала?

– Да, да, – настаивала жена. – К тому же еще бесправие женщин... Теперь, когда женщины и сами зарабатывают не меньше, а то и больше своих мужей, они способны жить самостоятельно.

– Насколько я помню, Даша еще только учится, – заметил Олег. – Или она тоже способна жить самостоятельно?

– Во всяком случае, Виталик вполне может обеспечить ей достаток, – отвечала жена, запутавшись в аргументах. – А вот ты останешься без дочери!..

Олег невольно сжал зубы. Наличие одной дочери в их семье было прямой виной именно Анны, которая пошла на обман супруга, испугавшись новой беременности после рождения дочери. Способ предохранения, который она избрала, оказался небезопасным, и вскоре начались осложнения, закончившиеся операцией и бесплодием. Поначалу Олег еще пытался уговорить супруга взять детей на воспитание, но сначала она хотела отдать все силы воспитанию дочери, а потом вопрос и вовсе отпал. Замечая, как его супруга воспитывает дочь, Олег понял, что воспитатель из нее не получился. Сам он ключевые моменты в воспитании дочери прозевал и теперь корил себя за это.

– Сходил бы к ним, – вдруг села рядом жена. – Нельзя же нам жить так, в ссоре!.. Ты же все-таки священник!

– Разве я с ними ссорился? – насупился Олег.

– Ты фактически прогнал их, – напомнила жена холодно.

– Просто я не могу позволить такое безобразие в своем доме, – отвечал Олег.

– Какое безобразие?

– Ты сама прекрасно понимаешь какое, – отвечал все еще спокойно Олег. – Практически это самый настоящий блуд. Если это любовь, если не терпится прыгнуть в постель, так иди и регистрируй свой брак, как положено. Если же не хочется, значит, и отношения эти эпизодические. Попросту блуд.

– Ну да, – кивнула Анна. – Это же ханжество, Олег! Ты же прекрасно понимаешь, что формальная запись ничего в их отношениях не изменит.

– Почему? Она многое изменит, – возразил Олег. – Во всяком случае, в моем отношении к ним. Пока я вижу перед собой яркий пример безответственности, и это не может меня радовать.

– Так пойди и объясни им, почему они должны регистрироваться, – сказала Анна.

Олег посмотрел на нее внимательно:

– Ты серьезно?

– Более чем, – фыркнула она. – Даша сама укоряла тебя в том, что ты не научил ее своей нравственности, а теперь требуешь чего-то... Она права.

– Я не научил? – горько переспросил Олег.

Жена пожала плечами:

– По правде, так оно и есть. Я не спорю, ты служил, ты был с людьми, но семью ты все же оставил в стороне. Вот и получилось...

Олег тяжело вздохнул:

– Хочешь сказать, это моя вина? Так разве я отрицаю?

– Ты ничего не делаешь, чтобы исправиться!

– А ты подскажи, – ответил Олег. – Что я могу сделать? Сама признаешься, у современного поколения какие-то свои особенности.

Анна посмотрела на него внимательно:

– Поговори с ней. В детстве она много страдала от твоего невнимания. Она до сих пор чувствует это.

Олег нахмурился:

– Когда я начинаю с ней говорить, она начинает шипеть!..

– Не говори глупости. Ты ей отец, и это остается в ней всегда.

– У меня иногда складывается впечатление, что она меня ненавидит.

– Она твоя дочь, – сказала Анна. – По-своему она любит тебя.

Олег вздохнул.

– Ты можешь устроить нашу встречу? – спросил он со слабой надеждой.

Анна рассмеялась и достала свой телефон.

– Для чего еще нужна жена, – сказала она весело.

Разговор у нее вышел недолгим, оказалось, что Даша вполне готова поговорить с отцом и ждет его у себя на квартире. Анна пообещала, что отец будет.

Время для визита выдалось в среду, после окончания вечерней службы. Отец Олег пребывал во вполне благодушном настроении, и, разыскивая квартиру, где проживали теперь Даша с Виталием, он настраивал себя на миролюбие.

Однако, вопреки его настроению, с самого начала дело пошло не туда. Даша встретила его достаточно сухо, не поцеловала, а только смерила взглядом, пока он снимал свое пальто, и буркнула:

– Проходи на кухню.

Олег покорно прошел за ней на маленькую кухню и устроился в углу.

– Чай будешь? – спросила Даша.

– Налей чашечку, – кивнул Олег, не столько потому, что хотел чая, сколько для налаживания отношений.

Даша молча налила ему чай и поставила перед ним.

– Конфеты, – сказала она. – Я сейчас...

И вышла.

Виталий выбрался с балкона, где он курил, снимая на ходу куртку спортивного костюма, и, оставшись в майке, выглядел совсем худым.

– Папа пришел, – сказала ему Даша. – На кухне чай пьет.

Виталий скривился, но погладил себя по животу со словами:

– Спокойно, Ипполит, спокойно²...

Даша хмыкнула и хлопнула его по плечу:

– Иди уж, Ипполит...

С заготовленной улыбкой он появился на кухне, где сидел за столом Олег, и с порога принялся язвить:

– А, пришел наш оплот нравственности... Исполать вам, святость наша!.. С чем пожаловали, кого опять анафематствовать будете?..

Олег сдержано улыбнулся:

– Здравствуйте, Виталий. Отчего вы так раздражены?

– Я, ваше преподобие, нахожусь на передовом краю борьбы за блага, – пояснил Виталий, пробираясь к холодильнику. – Постоянное напряжение, стресс... Даша, а где мой кефир?

– На столе, – сказала Даша, появляясь в халате. – Будешь с нами чай пить?

– Исключительно кефир, – отказался Виталий. – Так чем обязаны высочайшему визиту?

Олег посмотрел на него скорбным взглядом.

– Я хотел как-то объяснить, – сказал он. – Мне не все понятно в вашем решении.

– А чего тут непонятного, – скривился Виталий. – Что естественно, то небезобразно – это не из Библии часом фраза-то?

– Это-то мне и непонятно, – сказал Олег. – Как вы понимаете, меня в ваших отношениях не устраивает некоторое легкомыслие, вполне характерное, конечно, для современной молодежи.

– Какое уж тут легкомыслие? – хмыкнул Виталий. – У нас тут уже практически образовался семейный очаг! Правда, Даша?

– А я не понимаю, папа, чего ты так уперся, – заявила Даша. – Тебе что, именно бумажка нужна? Или без бумажки наши отношения недействительны?

– Дело в том, – неторопливо стал объяснять Олег, – что бумажка в данном случае является символом ответственности. Ведь отсутствие регистрации – это просто скрытое нежелание брать на себя всю массу семейных забот. В этом нежелании прячется постоянная возможность разлуки, не так ли?

– Это и есть свобода отношений, – сказал ему Виталий со значением, словно произносил формулу широко известной аксиомы.

– Свобода, – сказал ему Олег, – это возможность выбора. Но она не дает вам права отказаться от самого выбора, рано или поздно выбирать придется. Понимаете, ребята, это нежелание регистрации – это результат общего инфантилизма молодежи...

Виталий демонстративно рассмеялся, а Даша фыркнула.

– Дядя, – сказал Виталий, – а вас не пугает, что инфантильная молодежь нынче зарабатывает в несколько раз больше, чем ваше ответственное поколение? Знаете, сколько заработал на последней сделке я?

Олег невольно поднял руку.

– Это тоже следствие навязанного вам инфантилизма, – заметил он. – Вам кажется, что ваш заработок – это показатель ваших способностей. Но ведь на самом деле это не так! На самом деле вам сейчас дают возможность зарабатывать, чтобы увлечь вас этой игрой в заработки, чтобы настроить вас против старшего поколения, чтобы не дать вам сообразить, куда вас тянут. А когда втянут, то обернут до нитки.

– Это все тупая коммунистическая пропаганда, – отвечал Виталий уже без ерничанья. – Вы просто не способны понять, что наступила другая эпоха! В ходу нынче другие ценности, и ваша протухшая демагогия с нами уже не проходит. Очнитесь, папаша! Это двадцать первый век.

² Цитата из популярного фильма «С легким паром».

Олег глянул на него снисходительно.

– Не хочу вас разочаровывать, – сказал он, – но каждое новое поколение начинает с того, что заявляет о новой эпохе. На самом деле, что тут может быть нового? Все уже было в веках, и вы даже можете стать на голову и исполнить так свой танец, но мир от этого не изменится.

Виталий вздохнул и посмотрел на Дашу с сожалением.

– Я же тебе говорил, – сказал он с горечью. – Он не способен этого понять.

Даша решительно села к столу напротив отца.

– Хорошо, папа, – заявила она. – Мы несознательное и легкомысленное поколение. Но ты ведь представитель ответственного и вдумчивого поколения, да? Так, прости меня, что ты можешь предъявить в качестве доказательства? Что вы сотворили с этой страной, с этим народом?.. Где были ваша ответственность и ваша сознательность?..

– И ваше тяжеломыслие, – с восторгом добавил Виталий.

Олег пожал плечами.

– Я не собираюсь оправдываться, – сказал он. – Лично я сделал все, чтобы этого не было, но преодолеть исторический процесс не в моих силах.

– Так может, не надо тогда нас учить? – спросил Виталий. – Если уж до конца быть ответственными?

Олег невольно усмехнулся.

– Это нежелание учиться для вас особенно характерно, – буркнул он.

– Вы проиграли, папаша, – злорадно объявил Виталий. – Вам больше нечего сказать, так не путайтесь у нас под ногами. Вы нашли себе дыру, чтобы спрятаться, вот и сидите там!

– Виталий, – посмотрела на него с укором Даша.

– А что, я не прав?

– Ты прав, – сказала Даша. – Но он все же мой отец, и я не могу так...

Олег понуро кивнул:

– Спасибо, дочка... То есть у меня есть шанс надеяться на вашу милость в будущем, да?

– Ты знаешь, папа, как я к тебе отношусь, – отвечала она. – Но я не могу тебе позволить вмешиваться в нашу жизнь! Я уже взрослая девочка и сама делаю свой выбор.

Олег приуныл. Он понял, что они вовсе не ждали объяснений, они приняли его, чтобы продиктовать ему свой манифест, не думая даже прислушиваться к его словам. Продолжать эту беседу в том же тоне было бессмысленно, но резко рвать он тоже не привык.

– Хорошо, – сказал он. – Обменялись залпами, давайте думать о перемирии. У нас есть хотя бы шанс понять друг друга?

– Это в большей мере зависит от вас самих, – сказал Виталий.

– Это от всех нас зависит, – ответил Олег. – От нашей готовности слушать друг друга. Лично я пока слышу от вас только набор довольно поверхностных штампов и жду, когда вы заговорите от сердца.

Виталий ернически скривился и заметил:

– Похоже на рекламный слоган.

Олег улыбнулся и кивнул.

– Пытаюсь перейти на ваш язык, – сказал он. – Объясните мне, ребята, какой глубокий смысл заложен в ваших ценностях? Вы вот с такой гордостью рассказали мне, сколько денег вы заработали, а вы пытались подумать, каким смыслом вы это зарабатываете? Разве вы создаете что-то новое, ценное и нужное? Ведь ваша офисная деятельность – это просто перекладывание денег из одних сейфов в другие. А те, кто реально что-то создает и производит, они ведь остаются в стороне от ваших заработков.

Виталий наклонился вперед:

– Это и есть реальная жизнь, господин священник! Кто-то возится в дерьме, а кто-то этим руководит. Но без нашего руководства из этого дерьма ничего не выйдет, а мы ухитряемся делать на этом деньги. И эти деньги платим тем, кто там возится.

Олег огорченно вздохнул.

– Значит, вы кормитесь продажей дерьма? – спросил он насмешливо.

– Папа, ты передергиваешь, – возмутилась Даша.

– Да все правильно! – остановил ее Виталий. – Просто надо признать, что жизнь полна дерьма и только правильная организация процесса делает ее чище. А разного рода причитания о смысле не более чем кошачий вой в ночи.

Последний образ ему понравился, и он расплылся в улыбке.

– Это вы про церковь? – спросил Олег, внимательно его разглядывая.

Виталий поднял руку.

– Я не хочу лезть в ваши дела, – предупредил он. – Я признаюсь, что я ничего в этом не понимаю, но мне это просто неинтересно. Оставайтесь со своей церковью, я даже подкину вам денег при случае, но только оставьте меня жить своей жизнью.

– Ты должен понять, – вставила слово Даша, – мир удивительно многообразен и нельзя мерять его линейкой твоего мировоззрения.

Олег вдруг испытал острую тоску и понял, что говорить больше не о чем.

– Я больше других хочу вам счастья, – сказал он. – Если я не могу повлиять на вас теперь, то это, конечно, моя вина. Жизнь, я полагаю, расставит все по местам, и вы можете быть уверены, что в любом случае я готов вам помочь.

После этого можно было подниматься.

– Папа, а чай? – спохватилась Даша.

– Спасибо, – скривился в подобии улыбки Олег. – Я попил.

Одеваясь в прихожей, он чувствовал на себе взгляд Даши и ясно понимал, что она ощущает себя виноватой, и это его немножко грело.

– Мама сказала, что ты стонешь во сне, – вспомнила она.

– Мне она про это не говорила, – отвечал Олег. – Может, так оно и есть, я об этом знать не могу.

– Может, тебе сходить к врачу?

– Да, я подумаю, – кивнул Олег.

Она подошла к нему ближе.

– Папа, я же люблю тебя, – сказала она.

– Правда? – улыбнулся он. – Что ж, это приятно.

– Я не шучу, – буркнула Даша. – Я не хочу тебя терять. Но ты так себя ведешь, словно ты враг.

– Врагов тоже надо любить, – вырвалось у Олега.

– Перестань, – попросила Даша. – Попытайся вырваться из тумана своих предрассудков, ведь у нас и правда совсем другая жизнь.

– Я успел заметить, – улыбнулся Олег. – Ладно, прости меня, если я был груб. Господь с вами.

Он перекрестил ее и поцеловал в лоб.

Теперь ему надо было поскорее избавиться от той досады и раздражения, которые им овладели в разговоре с молодыми людьми. Шагая домой по поскрипывающему снегу, он снова и снова возвращался к разговору с дочкой и ее парнем, искал новые аргументы и досадовал не то, что повел себя не так спокойно, как хотел вначале. Он ведь не должен был с ними спорить и вышел на спор даже против своего желания. Конечно, в этом споре он уже ничего не мог им доказать, он уже успел понять, что в нынешнее время споры рожают только раздражение, а давно уже не истину.

– Это тетка или дядька? – услышал он вдруг язвительный вопрос.

Дорогу ему загораживали трое подвыпивших субъектов. Трудно было понять, чего они шлялись в этот морозный вечер, но им явно не хватало острых переживаний, и они их искали.

– Спорим, что тетка? – сказал один.

– Проверить это можно только одним способом, – рассмеялся второй.

А третий вдруг вынул нож, отчего Олег невольно похолодел. Готовность молодых людей к необдуманному поступкам была очевидной.

– Раздевайся, борода, – приказал он, вызвав взрыв смеха у товарищей.

– Спокойно, ребята, – сказал Олег. – Для таких шуток сейчас вроде холодновато.

– А ты попрыгай, – посоветовал ему третий, поигрывая ножом.

– Вы же не хотите, чтобы я простудился, – пробормотал Олег, чувствуя, что никак не может сформулировать свое общее состояние.

Самый тупой из хулиганов, решив, что пришло время действовать, поднял какую-то трубу и шагнул к Олегу. Тот внутренне сжался, ожидая удара, но тут налетел кто-то со стороны и крепко врезал хулигану в ухо, так, что тот вскрикнул и упал. Без разговоров налетевший повернулся и ногой ударил другого хулигана. Третий взвыл, вскидывая руку с ножом, но неожиданный помощник вдруг тоже выхватил нож.

– Ну чего, мля, давай потанцуем!.. – прохрипел он.

Третий застыл.

– Фома, – пролепетал он испуганно. – Да мы ничего, мы просто...

– Еще раз к попу приставать будете, замочу козлов!.. Врубаешься?

– Да мы не знали, – бормотал третий, помогая подниматься своему тупому товарищу. –

Мы так только, попугать...

– Пшли вон, – шикнул на них Фома и повернулся к Олегу.

Хулиганы, поддерживая друг друга, поспешили ретироваться. Олег же стоял сжавшись и не мог понять, что произошло, все еще ожидая неприятностей. Фома улыбнулся ему, сверкнув фиксой, но его небритая и помятая физиономия симпатий не вызывала.

– Здорово, батя, – сказал он.

– Добрый вечер, – осторожно отозвался Олег.

– Ты не баись, эти бакланы тебя больше не тронут. А тронут, так я им хвосты пообрываю...

– Спасибо, – только и нашел сказать Олег.

– Ладно, – махнул рукой Фома. – Пойду я, меня кореша ждут... Удачи тебе, батя.

– Да и тебе, – отозвался Олег, кивнув тому на прощание.

Приходя в себя по дороге домой, он пытался вспомнить этого Фому, но так и не смог этого сделать. Если тот узнал на улице священника и даже защитил его, то непременно должен был хоть раз посетить храм, да и лицо у него было запоминающееся, но сколько Олег его ни вспоминал, так и не вспомнил.

4

Тя убо молю единого благаго и благопослушливаго: призри на мя, грешнаго и непотребнаго раба Твоего, и очисти мою душу и сердце от совести лукавыя, и удовли мя силою Святаго Твоего Духа, облеченна благодатию священства, предстати Святей Твоей сей трапезе и священнодействовати Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь.
Молитва иерея перед Великим Входом

Когда отец Олег много лет назад в первый раз в жизни служил литургию, у него дрожали колени. Для него совершение этой службы было проникновением в глубинный смысл бытия, прикосновением к вечности, воплощением чуда. Это переживание, хотя и в меньшей мере, сопровождало его всю последующую жизнь, так что даже теперь, спустя почти двадцать лет, он, как и прежде, ощущал благоговейный озноб в теле. Это замечалось со стороны, хотя бы в дрожащем голосе его возгласов, и оценивалось по-разному. Диакон Петр его переживания вполне уважал, хотя и называл иронически «дребезжанием», а отец Роман как-то снисходительно заметил во время совместной службы:

– Ты уж, батюшка, пожалуйста, без аффектаций.

Олег и сам понимал, что его волнение носит характер экзальтации, соблазняющей многих, но что он мог поделаться, если накатывалось вдруг на него светлое и трогательное чувство, от которого все вокруг становилось таким праздничным и радостным. Он никак не мог понять, почему все остальные не ощущают того же.

Конечно, он любил служить литургию и потому, когда ему приходилось делать это всю неделю подряд, испытывал подлинный восторг. Он ясно ощущал это ступенчатое восхождение, от проскомидии перед началом службы, когда из служебной просфоры вырезался агнец, хлебный куб для последующего преложения, через литургию оглашенных, где зачитывались строки из Апостола и Евангелия, к литургии верных, зримому воплощению Бога в таинстве Евхаристии. Там, на вершине богослужения, когда начиналось чтение анафоры, он едва не задыхался от волнения, и потому его всегда угнетало довольно будничное бормотание нерадивых отцов, которые уже не воспринимали святые тексты как реальную силу и спешили завершить мероприятие, чтобы успеть с текущими делами. Присутствуя на таких службах, он старался не обращать внимания на тон предстоятеля и внутренне сам повторял все молитвы, стараясь не упустить благоговейной волны восхождения. А уж во время чтения эпиклезиса, заключительной молитвы призывания Святого Духа, он просто чувствовал, как сам поднимается на небо. В те дни, когда на службе не было диакона и поднимать святые дары в момент эпиклезиса приходилось ему самому, он чувствовал, как некая сила подхватывает его и возносит вверх Чашу и дискос.

И, конечно, ему всегда было приятно причащать людей, делить с ними радость чуда, насыщать их крупичами благодати. Люди замечали, что даже самые упертые младенцы, подносимые к нему на причастие, в испуге замирали и безропотно принимали дары, которые подавал отец Олег.

Правда, отец настоятель, а с ним и прочая братия прихода относились к этому насмешливо, и даже диакон Петр первый запустил про него слоган: «отец Олег на воздуси молится». Обижаться не приходилось, скорее он сожалел о том, что они не находят в себе сил вникнуть в происходящее и изумиться каждодневности этого чуда.

Но тут вышло, что на четверг выпал день памяти святителя Николая, и потому служба совершалась соборно, с предстоянием настоятеля перед престолом. Это, конечно же, привносило в таинство дух официоза и понижало уровень переживаний, но Олег старался не отвле-

каться на суету алтарного быта, сосредоточившись на молитве. При этом он несколько раз пропустил свою очередь для возгласа и тем накликал на себя негодование предстоятеля.

– Внимательнее, отец, – буркнул тот.

А тут, как на беду, заработал телефон в кармане его пальто. Звук Олег предварительно выключил, но вибратор дребезжал так, что было слышно во всем алтаре. Отцы принялись переглядываться, хотя наступило время евхаристического канона и отвлекаться было неуместно.

– Чей телефон? – рявкнул отец Роман.

Олег спохватился, кинулся к вешалке в ризнице и поспешно отключил свой телефон, заметив при этом, что ему звонила жена. Это было странно, потому что жена была приучена не звонить ему во время службы.

Отец Роман покосился на него неодобрительно, но служба продолжалась, и инцидент был забыт. В этот день Олег сам причащал людей, стоя на амвоне с Чашей, и потому продавщица из лавки Надежда Сергеевна не рискнула его беспокоить. Она окликнула его только после того, как отец Роман вышел на проповедь, которую он обычно произносил в самом конце. Олег вышел к женщине, и та шепнула ему:

– Батюшка, ваша супруга звонила, просила вас срочно с ней связаться.

Олег поблагодарил и вернулся в алтарь. В любом случае Аня знала, что до отпуска он телефон не включит, так что торопиться он не стал. Тем более что отец настоятель велел ему предложить крест для народа, и он стоял на амвоне, пока к кресту не приложились все желающие. Когда он вернулся в алтарь, там уже никого не было, так что он неторопливо принялся переоблачаться, и только после того как сложил все облачение, взял телефон и отошел в угол, чтобы позвонить домой.

– Где ты? – выпалила жена возбужденно. – У нас несчастье... Даша попала в беду!..

– Что такое? – испугался Олег.

– Приезжай скорее!..

По случаю праздника предполагалась еще совместная трапеза духовенства, но Олег поспешил отпроситься у настоятеля, сославшись на необходимость.

– Всегда у тебя есть причины сбежать от братской трапезы, – заметил Роман.

– Действительно очень надо, – сказал Олег виновато.

Он и в самом деле не очень любил эти трапезы, исполненные чревоугодия и винопития, да к тому же заполненные довольно циничным суесловием духовных лиц. Но теперь он думал прежде всего о другом. Уже в автобусе он вспомнил, как обещал Даше и ее жениху какие-то особые обстоятельства для просветления, и с тяжелым предчувствием подумал, что это может быть воспринято как форма проклятия.

Когда он вернулся домой, Анна встречала его в прихожей.

– У нас несчастье, – сразу же сказала она. – Даша в панике...

– Она жива, здорова? – спросил Олег нервно.

– Она жива, здорова, – подтвердила Анна. – Но она попала в беду.

– Где она?

– Я дала ей снотворное, она спит... Она всю ночь провела в милиции!..

– Что такое? – испугался отец Олег.

Они прошли в гостиную.

– Дорожное происшествие, – пояснила Анна. – Вчера вечером Даша ехала на машине и сбила пешехода. И машину разбила...

Олег посмотрел на нее недоуменно.

– На какой это машине она ехала? – воскликнул он.

– На машине Виталика, – сказала жена. – Он дал ей машину съездить к подруге. Самое страшное, что она там выпила и экспертиза уже подтвердила ее опьянение.

Олег сокрушенно покачал головой:

– Разве у нее есть права?

Жена посмотрела на него с горечью и воскликнула:

– Ты совсем ничего не знаешь про свою дочь! Да, у нее есть права... Теперь: были, потому что ее уже лишили прав.

– А что с этим человеком? – спросил Олег осторожно. – Которого она сбила?

– Понятия не имею, – буркнула Анна. – Надеюсь, ничего серьезного, потому что от этого зависит степень ее виновности. Надо действовать, Олег!

– Как действовать? – угрюмо вздохнул тот.

– Короче, – сказала Анна решительно, – надо идти туда и договариваться.

– Идти куда? – не понял Олег.

Жена смотрела на него прямо.

– В милицию. И я слышать не хочу про твои дурацкие принципы, Олег. Твою дочь могут посадить в тюрьму на несколько лет!

Олег помолчал, представляя себе это в реальности. Выходило смутно и мрачно.

– Это возможно, – сказал он. – Но ведь она действительно совершила преступление, не так ли?

– Замолчи! – вскричала жена раздраженно. – Не смей мне говорить ничего подобного! Ты можешь представить свою дочь в окружении вору и проституток? Что они с ней там сделают? Это же смерть для нее, ты понимаешь?

Олег смолчал. Воображение у него было богатое, и представить свою дочь в тюрьме он мог без проблем, но не это было для него главным в эту минуту.

– Надо позвонить в больницу, – сказал он. – Что там с этим парнем?

– Надо идти в милицию, – жестко отвечала жена. – И надо нести им денег! Много денег!

– Много денег? – насмешливо переспросил отец Олег.

– Да, – подтвердила Анна. – У нас этих денег нет, и потому надо искать источник.

Олег поднялся.

– Подожди, Аня, – сказал он. – Надо сначала успокоиться...

– Я не могу успокоиться! – вскричала та. – Как тут можно успокоиться! Ее всю ночь продержали в участке, ее допрашивали, ее терзали...

– Это общее правило, – буркнул Олег. – Было очень глупо садиться за руль после выпитого.

Она посмотрела на него круглыми глазами.

– Я тебе поражаюсь, – призналась она. – Это же твоя дочь, Олег! Это твоя единственная дочь! Как ты можешь быть таким теперь?..

– Каким?

– Таким!.. – выкрикнула она. – Морализатором!..

– Я вовсе не собираюсь читать мораль, – отвечал Олег. – Но существует общий нравственный закон! Если ты совершил преступление, ты должен за это отвечать. Пойми, я готов сам пойти в тюрьму вместо нее, но я не могу, не имею права, снимать с себя ответственность за содеянное!..

– Это и есть мораль, – произнесла жена обреченным тоном. – Ты просто чудовище, Олег!..

Олег склонил голову.

– Мне жаль, что ты не можешь меня понять, – произнес он с тоской.

– Не могу, – кивнула жена. – Разве это вообще можно понять?

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Олег прошел в спальню, где тихо спала на кровати мамы Даша, и некоторое время наблюдал за ней. На лице дочери было умиротворение, и было странно предположить, что это она попала в аварию и разбила машину. Конечно, представить ее в тюрьме было довольно неприятно.

Он закрыл дверь и вернулся в гостиную. Анна продолжала всхлипывать, используя платок, и возвращение Олега встретила решительным заявлением:

– Можно взять кредит в банке! Под залог квартиры...

– Банки не дают кредит для дачи взяток, – отвечал Олег.

– Попроси у настоятеля!

– Ты смеешься?

Олег сел к столу.

– Я смеюсь? – раздраженно воскликнула Анна. – Ты считаешь, что я смеюсь?

– Извини, – отвечал Олег.

– Поищи среди своих прихожан, – предложила Анна. – В конце концов, не одни же старухи и пенсионеры к тебе ходят!

Олег невольно качнул головой.

– Перестань, – сказал он. – Это невозможно.

– Что невозможно? – она посмотрела на него с гневом.

– Как ты представляешь себе все это? – начиная чувствовать раздражение, спросил Олег. – Просить у людей денег для взятки? А потом, как ее подносить, эту взятку? Ты считаешь, что я на это способен?

– Ты – отец! – напомнила Анна с вызовом. – Ты должен сделать все, чтобы спасти свою дочь!

Олег выдержал ее взгляд и ответил:

– Как тебе должно быть известно, у меня свои представления о спасении...

– Не смей! – прошипела Анна. – Не надо мне твоих проповедей, не тот случай! Нет, ты скажи лучше, ты собираешься выручать Дашу?

Олег вздохнул.

– Если ты о взятке, то решительно – нет, – отвечал он.

Анна выдохнула воздух:

– Вот так ты любишь своих близких!..

– Можно сказать и так, – проговорил Олег. – Я ведь не говорю...

– Стоп! – Анна хлопнула по столу ладонью. – Все, хватит!

Она тяжело поднялась.

– Что – хватит? – спросил Олег.

– Все хватит, – отвечала жена. – Знаешь, мне просто надоело...

– Что надоело?

– Ты мне надоел! – выкрикнула она. – Это какое-то запредельное ханжество!

Олег закусил губу. Хотелось ответить резко, но именно этого делать вовсе не следовало. Надо было сдержаться и промолчать.

– Хватит, – продолжала Анна, выпрямившись. – Мне надоело даже быть с тобой рядом! Теперь я не могу даже подумать жить с тобой в одном доме. Ты мне отвратителен, Олег!..

Олег испуганно вскинул голову, но она и в самом деле смотрела на него с ненавистью. Он протяжно вздохнул.

– Ты хочешь, чтобы я ушел? – спросил он осторожно.

– Совсем ушел, – сказала жена. – И немедленно.

Олег помолчал, повернулся и пошел в прихожую. Пока он надевал ботинки и пальто, ему все еще казалось, что это недоразумение, что жена хотела сказать что-то совсем другое и сейчас вернется и объяснит свою ошибку, но она так и не вышла к нему. Дверь за ним щелкнула, и он остался на лестничной клетке в полном одиночестве.

Уже на улице пришло время осмысления, и он остановился. Ему пришло в голову, что он поторопился с уходом, даже вещей с собой не прихватил. А главное, он представления не имел, куда ему деваться, хотя на улице стояла зима и оставаться здесь слишком долго было глупо.

Делать было нечего, он достал телефон и стал звонить отцу диакону, который проживал неподалеку.

– Благослови, отче, – пробормотал тот, включаясь.

– Ты уже дома?

– Почиваю после трудов праведных. Отец Роман благословил нас нынче каким-то коллекционным кагором, так что есть повод поспать. Кстати, за исправное поведение я освобожден от вечерней службы.

– Слушай, отец диакон, – произнес Олег неуверенно. – У тебя переночевать можно будет?

– Ха! – обрадовался диакон. – И ты, Брут, пал жертвой равноправия?

– Можно или нельзя?

– Можно, отец, – отвечал диакон. – Разве ж я тебе откажу? У меня и раскладушка есть.

Давай, жду!..

Олег шел по улице, исполненный горькой обиды на свалившиеся обстоятельства, и пытался сосредоточиться на Иисусовой молитве. Ничего не получалось, мысли сбивались и слова путались, хоть молитва и не отличалась многословием. Он пытался себе доказать, что этот конфликт носил временный характер и все непременно разъяснится, но чем больше он себя в этом убеждал, тем страшнее становилось будущее. Конечно, в решении жены звучал естественный порыв, но не было никакой уверенности в том, что она передумает. Олег свою жену знал и потому надежды не питал. «Надо просто переждать», – уверял он себя, хотя результатов своего ожидания реально представить не мог.

Диакон жил в коммунальной квартире, где кроме него жили еще две семьи, но, вопреки общему мнению, жили они довольно мирно. Недавний случай с убежавшим молоком был исключением из правил. Встречать отца Олега он вышел в прихожую в поношенном спортивном костюме, и Олег, привыкший видеть его в подряснике, невольно усмехнулся.

– Да, да, – сказал диакон. – Такой я без прикрас. Проходи, я пока чайник поставлю.

Он явно ждал полного рассказа о происшедшем, но Олег, кроме скомканного рассказа о несчастье с Дашей, ничего внятного объяснить не мог.

– У, – сказал авторитетно диакон, – это они теперь с тебя слупят в охотку.

– Чего слупят? – покосился на него Олег.

– Гроши слупят, – отвечал диакон. – Думай теперь, где найти деньги.

– Какие деньги?

– Большие деньги, – отвечал диакон. – Все зависит от больницы. Если вытянут парня, то, может, в стольник все обойдется. А если заупокоют, то рассчитывай на полный лимон.

– Типун тебе на язык, заупокоют! – буркнул Олег.

– Всяко может статься, – примирительно сказал диакон.

– Но вот что ты говоришь? – проговорил Олег с тоской. – Мы же с тобой духовные лица, ты еще помнишь?

– А то, – отвечал диакон.

– Так о каких деньгах тут можно говорить? По-твоему, я пойду в милицию и буду предлагать им деньги? Это же немисливо!

– А чего такого? – подивился диакон. – Отец благочинный, когда свою «Тойоту» разбил, заплатил ведь!

– Он заплатил за покрытие ущерба!

– Это он так говорил, – ухмыльнулся Петр. – Там ему явно срок корячился, потому как вылетел на тротуар и сбил киоск, где сидела продавщица. А девушка, между прочим, так и осталась инвалидом.

Олег смолчал. Он не углублялся в эпизод с отцом благочинным, но вполне допускал, что тот решил все на административном уровне. Еще бы, если он даже с мэром был в приятельских отношениях.

– Все равно, это исключено, – отвечал Олег.

Диакон покачал головой.

– Ты, отец, упертый, – отметил он. – Конечно, это вызывает уважение, но только когда не касается тебя лично. А что Аня, сильно разъярилась?

Олег только усмехнулся.

– Волчица! – сказал он. – Я ее такой еще никогда не видел.

– А вещи твои где?

Олег махнул рукой.

– Какие вещи, отец? Я ведь, как кувалдой по голове получил, сразу же поднялся и ушел. Я до сих пор в себя прийти не могу.

Диакон сочувственно кивнул:

– Ладно, если что, насчет вещей я сам зайду. Не переживай, мы с тобой тут холостяцким чином да с молитвою...

Олег сначала машинально кивнул, но потом вдруг заявил:

– Глупо это!

– А кто спорит? – спросил диакон. – Глупо и есть!.. Только ведь у них все совсем по-другому, чем у нас. Для нас глупо, а у них – высшая справедливость.

– А самое глупое, она ведь сама ни за что мне не позвонит, – сказал Олег с досадой.

– Я же говорю, – хихикнул диакон. – Высшая справедливость!

– И что мне делать?

– Прежде всего, успокоиться, – посоветовал диакон. – Тут еще одна засада прорисовывается. Не дай Бог, конечно, узнает Роман.

– А при чем тут Роман? – не понял Олег.

– Прикинь, если твоя жена тебя из дому выгнала, то это быстро будет доведено до сведения владыки. А уж как на это владыка реагирует, ты и сам знаешь.

Олег только вздохнул. В последнее время владыка и в самом деле очень остро реагировал на семейные неурядицы отцов. Олег считал, что в силу своего монашеского положения владыка попросту не понимал сложностей семейной жизни и потому толковал все слишком упрощенно. Диакон Петр, который формально с женой не разводился, сам был в числе пострадавших по этой линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.